

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

ИСЛАМ

**РЕЛИГИЯ,
ОБЩЕСТВО,
ГОСУДАРСТВО**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984**

ББК 86.38
И 87

Ответственные редакторы
П. А. ГРЯЗНЕВИЧ, С. М. ПРОЗОРОВ

**Ислам. Религия, общество, государство. М.,
И 87** Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1984.

232 с.

В основу статей сборника легли доклады, прочитанные на ежегодных сессиях ленинградских арабистов начиная с 1976 г. Собранные вместе, они составили как бы единое исследование таких аспектов истории ислама, как возникновение мусульманской религии и Коран; религиозно-политическая идеология ислама и ее развитие; ислам и общество; ислам и государство.

И $\frac{0400000000-174}{013(02)-84}$ 15-84

ББК 86.38

ИСЛАМ

Религия, общество, государство

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. В. Негря*. Младший редактор *И. И. Исаева*. Худож-
ник *Г. И. Шиф*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический
редактор *В. П. Стуковнина*. Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 14889

Сдано в набор 20.03.84. Подписано к печати 29.08.84. Л-012891. Фор-
мат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. п. л. 14,5. Усл. кр.-отт. 14,75. Уч.-изд. л. 16,2.
Тираж 15 000 экз. Изд. № 5606. Зак. № 209. Цена 1 р.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

А. А. Долинина

КОРАНИЧЕСКИЕ ЦИТАТЫ И РЕМИНИСЦЕНЦИИ В «МАКАМАХ» АЛ-ХАРИРИ

«Макамы» ал-Харири, как и любое другое произведение средневековой арабской литературы, включают много материала, заимствованного из Корана: в каждой макаме можно встретить коранические имена, специфическую лексику и фразеологию, цитаты, перифразы, намеки на известные изречения или сюжеты¹.

В «Макамах» постоянно упоминаются имя Аллаха, его эпитеты, герои часто клянутся Аллахом, Ка'бой, священными городами, повторяют клятвы, заимствованные из Корана. Встречаются имена Мусы (5, 44; 37, 411), Хидра (37, 411), Ибрахима (31, 324, 327), Худа (18, 182), Нуха (39, 428) и его сыновей (21, 208), Дауда (18, 173), Лукмана (43, 493; 49, 582); упоминаются самудяне (18, 171), жена Абу Лахаба («носительница дров», 18, 178). Чаше других называются Иа'куб и Йусуф (10, 94; 14, 135; 27, 277; 34, 373—383; 49, 570; 50, 601). Особое внимание именно к этим двум персонажам объясняется, очевидно, тем, что история Йусуфа вообще одна из самых популярных в мусульманском мире коранических историй. Быть может, играет роль и то, что сюжет этой суры основан на серии обманов, и это несколько сближает его с сюжетами макама. Недаром мотив незаконной продажи Йусуфа в рабство использован в макаме 34, о чем подробнее будет сказано ниже.

В целом «Макамы» нельзя назвать благочестивым произведением: проделки героя-плута, постоянно нарушающего предписания ислама, и снисходительное отношение к нему героя-рассказчика ни в коей мере не могут быть уравновешены рассказанием Абу Зайда в последней макаме. Тем не менее благочестивых рассуждений в «Макамах» много — главным образом в речах Абу Зайда, особенно когда он выступает в роли проповедника. И здесь, естественно, часто повторяются коранические мотивы, в первую очередь эсхатологические: неоднократно упоминается Страшный суд со всеми его атрибутами (в макамах 1; 11; 15; 21; 31 и др.), приводятся соответствующие цитаты, как, например (21, 202): «...что человеку — лишь то, в чем он усердствовал, что усердие его будет усмотрено» (Коран LIII, 40/39—41/40).

Встречаются цитаты из Корана и в речах на житейские те-

мы. В частности, речь героя на свадьбе нищих (30, 317—319) украшена подходящими случаю стихами из Священной книги (XLIX, 13; IX, 28; LXX, 24—25). Аллах в этой макаме (30, 316) именуется «тем, кто запретил отгонять просящих» — намек на суру ХСIII, 10. Подобных примеров можно привести немало.

Такого рода использование коранических цитат, перифраз и намеков для подкрепления мысли оратора — явление достаточно распространенное в арабской литературе. Однако, когда мы говорим о нем в применении к макамам, может возникнуть сомнение: ведь произносит эти цитаты, как правило, герой-обманщик, чьи благочестивые речи — сплошное надувательство. Более того, цитата благочестивого звучания попадает порой в отнюдь не благочестивый контекст. Так, Абу Зайд (49, 578) открыто учит сына мошенничать и плутовать, объясняя, что ремесло «детей Сасана» — лучшее из всех, и в свое поучение включает чуть измененную цитату из Корана: «Не отчаивайся (в Коране — «не отчаивайтесь». — А. Д.) в утешении божием. Поистине, отчаиваются в утешении Аллаха только люди неверующие» (ср. XII, 87).

Не является ли обращение ал-Харири к кораническим истинам насмешкой над ними, или по крайней мере не следует ли расценивать включение их в подобный широкий контекст как некую принижающую их тенденцию?

Французский арабист К. Дюма, в начале века работавший в Алжире, автор специальной монографии о герое «Макам» ал-Харири, отвечает на этот вопрос отрицательно, считая, что, с точки зрения мусульманина, авторитет религии не может быть поколеблен ничем, и в подтверждение приводит пословицу: «*Ла танзур ли-ман кала ва иннама ли-ма кала*» (букв. «Не смотри, кто говорит, а смотри — что говорит») ². Характерно, что в современной арабской работе о макамах оценка речей Абу Зайда соответствует именно этой пословице — об их пользе и назидательности говорится всерьез, автор словно закрывает глаза на то, что Абу Зайд дальнейшими поступками опровергает свои же собственные поучения ³.

Таким образом, будем считать, что в коранических цитатах и намеках такого рода снижающая тенденция обнаруживается лишь в широком контексте, в узком же — невоспринимаема.

Вторая группа цитат включает образные выражения и некоторые устойчивые словосочетания, которые применены не к тем лицам, предметам, явлениям, ситуациям, что в Коране, — как правило, к предметам и явлениям более низкого уровня, т. е., очевидно, они могут восприниматься как снижение и в узком контексте. Например, выражение «Плывите в нем, во имя Аллаха его движение и остановка» в Коране применено к Ноеву ковчегу (XI, 43/41), а у ал-Харири — к кораблю, на котором плывет Абу Зайд (39, 428). В Коране: «А когда кончена будет молитва, то расходитесь по земле» (LXII, 10). В «Макамах»: «...настало время расходиться по земле» — но не после молитвы,

после речи Абу Зайда (28, 292). У ал-Харири Абу Зайд говорит, что его дорожный мешок «подобен сердцу матери Мусы» (5, 44); это — намек на Коран: «И наутро сердце матери Мусы оказалось пустым» (XXVIII, 9/10). Выступая в качестве учителя, Абу Зайд хвалит ученика, сочинившего удачные стихи: «Будь благословен ты, газеленок, как благословенно ни и ни» (46, 527). Комментарий объясняет, что это намек на Коран: «...от дерева благословенного — маслины, ни восточной, ни западной» (XXIV, 35).

Третья группа коранических цитат у ал-Харири — это цитаты явно переосмысленные, которыми Абу Зайд пользуется для оправдания своих поступков. Подобных случаев мы насчитали три. В макаме 3 Абу Зайд притворяется хромым нищим и в ответ на вопрос, зачем он это делает, импровизирует такие стихи:

Я притворяюсь хромым не ради желанья хромать, но
чтобы постучаться в двери радости,
Чтобы дать себе полную волю и пойти путем того, кто
пасется на свободе.
А если люди будут меня упрекать, скажу: «Извините,
ведь для хромого нет стеснения» (3, 31).

Последнее полустишие не что иное, как слегка измененная цитата из Корана (XLVIII, 17). В этом стихе указывается, кому разрешено не участвовать в походах Мухаммада: «Нет стеснения для слепого, и нет стеснения для хромого, и нет стеснения для больного». Абу Зайд толкует цитату, взятую вне контекста, расширительно, причем, разумеется, в своих интересах.

Аналогично использован намек на кораническую цитату и в макаме 4. Здесь Абу Зайд с сыном пристраиваются к каравану, собирают с путников мзду и тут же сбегают, оставив «оправдательные» стихи, которые кончаются строкой: «Я из тех, которые, поев, расходятся» (4, 39). В Коране действительно есть предписание: «...а когда покушаете, то расходитесь» (XXXIII, 53), однако в следующем контексте: «О те, которые уверовали! Не входите в дома пророка, если только не будет разрешена вам еда, не дожидаясь ее времени. Но когда вас позовут, то входите, а когда покушаете, то расходитесь, не вступая дружески в беседу. Это с вашей стороны удручает пророка, но он стыдится вас, а Аллах не стыдится истины».

В макаме 35 из цитаты выброшено слово, что дает возможность истолковать ее в смысле, противоположном заложенному. Обращаясь к насмешникам, издевающимся над его лохмотьями, Абу Зайд говорит: «О люди! Если б вы знали, что за педильной тканью чистое, выдержанное вино, то вы не презирали бы одетого в лохмотья, а сказали бы: „Нет ему доли!“» (35, 385). Иными словами — какой он бедный, как ему не везет! В Коране же сказано: «Нет ему доли в будущей жизни», а контекст таков: «И обучались они тому, что им вредило и не приносило пользы, и они знали, что тот, кто приобрел это, — нет ему доли

в будущей жизни. Плохо то, что они покупали за свои души, — если бы они это знали!» (II, 96/102). Речь идет об иудеях.

Характерно, что во всех трех случаях у автора нет ссылки на Коран и цитаты не точны; быть может, этим он снимает с себя ответственность за вольное толкование слов из Священной книги?

Есть случаи, когда коранические мотивы используются в «Макамах» в явно пародийном плане, как, например, в макаме 45, где в споре Абу Зайда с женой терминами *хаджж* и *умра* обозначаются супружеские отношения (45, 515). Или макама 34, сюжет которой, как упоминалось, основан на использовании мотива незаконной продажи свободного человека в рабство. Причем мнимый раб сам подсказывает покупателю, что он свободный человек и продавать его нельзя, — в ответ на вопрос, как его зовут, он дважды повторяет: «Я — Йусуф, я — Йусуф», недвусмысленно намекая на XII суру Корана (34, 373). А когда в конце макамы Абу Зайд оправдывается перед ал-Харисом, оказавшимся жертвой этой недействительной сделки, он опять ссылается на Коран: «Хватит, не я же первый это сделал, как ты воображаешь. Ведь сыны Йа'куба до меня продали Йусуфа, а они — это они» (т. е. пророки, как объясняет комментатор). Иными словами, Абу Зайд заявляет, что он почерпнул из Корана дурной пример.

Заканчивая этот краткий обзор коранического материала в «Макамах» ал-Харири, мы не считаем возможным предлагать какие-либо общие или даже частные выводы, потому что, насколько нам известно, вопрос об использовании Корана в литературе по-настоящему не изучен. Обычно внимание сосредотачивается на количественной стороне этого явления, а качественная его сторона, т. е. функции коранического материала в произведении, остается без внимания. Фиксируется разве что явно вольнодумное отношение к Священной книге и к исламу вообще, как, например, в стихах Абу Нуваса, ал-Мутанабби, Абу-л-'Ала и других поэтов, менее значительных, что дало возможность А. Мецу говорить о «безобидном атеизме светских людей и просто любителей поглумиться»⁴.

Отношение ал-Харири к кораническому материалу — снижение, переименование, переосмысление — действительно может показаться стоящим на грани вольнодумства. Но в то же время не следует, вероятно, это «вольнодумство» переоценивать, ибо, как нам кажется, отмеченные нами у ал-Харири способы использования коранического материала характерны для многих произведений и старой, и новой литературы различных уровней и жанров.

Нам представляется, что в средние века у арабов-мусульман сложилось своеобразное отношение к тексту Корана. С одной стороны, для них это был действительно сакральный текст, а с другой — люди привыкли видеть и слышать включаемые в письменную и устную речь слова и изречения из Корана, т. е. на-

столько привыкли к употреблению «слова божьего» все, что это привело к некоторой его девальвации (очевидно, не осознаваемой ими), по крайней мере невольно уменьшило благоговение перед ним, особенно когда это «слово божье» выступало в роли материала для орнаментирования речи, т. е. в чисто светском качестве⁵. Разумеется, это предположение должно быть проверено на гораздо более обширном материале арабской художественной литературы различных эпох и жанров, исследовано с точки зрения оформления и функций содержащихся в нем коранических заимствований и реминисценций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В дальнейшем цитаты из «Макам» приводятся по тексту: Шарх макама ал-Харири. Бейрут, 1968. При цитировании в скобках приводится номер макамы и через запятую — страницы указанного издания.

² C. Dum a s. Le Héros des Maqâmât de Ḥariri Abou-Zéïd de Sarudj. Alger, 1917, с. 104.

³ Шауки Дайф. Ал-Макама. Каир, 1980, с. 54—55.

⁴ А. Мейс. Мусульманский Ренессанс. М., 1966, с. 275.

⁵ Характерно, что в статье д-ра Г. М. Гарйба подобное «неправильное» применение цитаты из Корана (XX, 106, 107), рисующей исчезновение гор в день Страшного суда («... не увидишь ты там ни кривизны, ни высоты»), к описанию человеческого носа расценивается как оскорбление языкового чувства (eine Verletzung des Sprachgefühls), но не религиозного (см.: Gh. M. Garieb. Wortgut des Koran heute.—Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Wissenschaftliche Beiträge 1979/42 (19). Arabische Sprache und Literatur im Wandel. Halle, 1979, с. 132—133).